
ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

П. С. Гуревич

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Аннотация. Предмет исследования — выявление факторов, которые способствуют формированию научной парадигмы. Автор отмечает, что наука стремительно наращивает сокровищницу знаний. При этом складывается парадоксальная картина — прежняя научная парадигма все еще сохраняет свою значимость. Но одновременно появляется все больше открытий, которые не вписываются в прежнюю картину мира. Это вновь и вновь провоцирует процесс, в ходе которого обсуждаются вопросы о том, что такое знание, каковы источники его появления, как это знание функционирует, складываясь в относительно целостную картину мира.

Методология подхода к проблеме в данном случае связана с сокровищницей философского и психологического знания, опытом их напряженной рефлексии.

Новизна исследования состоит в том, чтобы раскрыть на новом естественнонаучном фундаменте закономерности формирования новой парадигмы. Автор отмечает, что критика рационального варианта науки в свое время не завершилась успехом. Поэтому критический анализ предпосылок формирования научной парадигмы оказывается весьма актуальной. Дается критика современных вариантов редукционизма.

Ключевые слова: психология, философия, наука, парадигма, редукционизм, знание, «смерть человека», трансценденция, методология, расшифровка генома.

Философия и наука

Допустимо ли использовать понятие парадигмы применительно к философско-антропологическому знанию? Известно, что философия не соотносится напрямую с тремя признаками науки — общезначимости своих положений, их экспериментальной проверке и парадигмальной оформленности полученных результатов. Философы не проводят эмпирических исследований, не добиваются абсолютного согласия даже по базовым метафизическим вопросам. Философию можно назвать авантюрой мысли. Она предвосхищает определенное, окончательное знание.

Философия учитывает достижения науки. Но во многих случаях опережает конкретное знание. В истории философии мы наблюдаем не только сближение философии и науки, но и их радикальное галактическое разбегание. Философия Гераклита, пожалуй, ближе нам сегодня, чем космологические взгляды его эпохи. Платон оказывается более актуальным, нежели научные достижения античности. Философия не претендует на плавное линейное развитие своих основоположений. Они теряются,

возобновляются, вновь обретают значимость или утопают в забвении.

Некоторые ученые считают, что философия не приносит пользы для науки. Ее роль, пожалуй, чисто негативная. Однако философия способна не только опережать научные открытия, но и указывать им направление. Платоновское учение о бессмертной душе получает неожиданное теоретическое подкрепление в современных концепциях Джона Экклза или Пима ванн Ломмеля. А. Бергсон в книге «Я и тело» писал: «Мозг не орган мысли, чувств, сознания, но он то, что приковывает сознание, чувства, мысли к действительной жизни, заставляет их прислушиваться к действительным нуждам и делает их способными к полезному действию. Мозг, собственно, орган внимания к жизни, приурочения к действительности»¹.

Философ путем чистого философского умозрения предугадал открытия, которые были сделаны И. П. Павловым. Поразительный факт сообщает, к примеру, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий): Он писал о том, что при вскрытии черепа одного

---

¹ Бергсон Анри. Душа и тело // Ты и жизнь. 1921, 20 декабря.

больного он с удивлением обнаружил, что почти вся правая половина его пуста, а все правое полушарие сдавлено почти до невозможности его различить¹. Возникает вопрос, чем же мыслил этот человек, если не мозгом?

Оберегая принцип научности, доказательности своих выводов, философия далеко не всегда стремится к системности, парадигмальной отточенности. В научных публикациях сегодня просматривается стремление расширить содержание понятия «парадигмы», включив в ее пространство самые различные обнаружения культурных феноменов. В философии, напротив, основное достижение трактуется как событие. В. А. Подорога пишет: «Вот уже более века никто не созидает великих философских систем и даже не думает об этом (кроме как зачарованных собственных безумием неопитов). А это значит, что что-то завершилось, время одной философии закончилось. Философия не наследуется нами как вечный инструмент познания жизни. Мыслить — это как раз видеть, почему прежний образец познания непригоден к использованию в сегодняшнем времени. Или в чем по-прежнему «пригоден». Это часть современной философской работы»². Философия, по словам автора, определенное ментальное событие в культуре.

Стало быть, философско-антропологическое знание по определению антисистемно. В наши дни окончательно отвергается популярное толкование философии через ее связь с «мировоззрением». Постмодернистская практика философствования в процессе зачистки классической философской антропологии отвергает самоидентичность, суверенность, единство, постоянство, центрированность человека. После работ М. Фуко индивид рассматривается в основном как бледная форма, которая возникает на мгновение из огромного океана возможностей. Французский философ показал, что человек недавнее изобретение. Он связан с коротким хронологическим отрезком истории. Поэтому человек изгладится как лицо, нарисованное на песке.

В этом контексте обнаружение человеческой сущности стало рассматриваться как деконструкция ктойности. Поскольку исчезла сущность человека, то философская антропология последних десятилетий обратилась к толкованию различных

сингулярностей, к изучению зыбких, переменчивых состояний, принципиально несовместимых с какой-либо парадигмальностью.

Тема человека становится все более проблематичной. Она не помещается ни в какую системность, ускользает от определений, не подчиняется логике. Представление о рациональности человека замещается убеждением в его иррациональности. Обнаруживая все новые реалии бытия, в том числе случайность, фактичность, конечность, исследователи пытались переосмыслить человека иначе, в рождающейся иномерности. Однако данная тенденция обернулась еще большим парадоксом. Философы столкнулись с феноменом, который получил название «смерть человека».

После «смерти человека»

Однако мне кажется, что сегодня ситуация в определенной степени изменилась. Что происходит в наши дни с философским постижением человека? Как можно оценить современное состояние философской антропологии? Ответы на эти вопросы не отличаются общим согласием. Напротив, выявляется широкий спектр разных позиций. Исследователи размышляют о неоспоримом крахе классического антропологического дискурса. Однако нередко при самом радикальном дистанцировании от классики, многие видные представители этой области философского знания сохраняют интенсивный интерес к ее отдельным сюжетам. Фиксируют базовые признаки современного антропологического кризиса и антропологического поворота. И одновременно обнаруживают их во всей их аутентичности в истории философского толкования человека. Заявляют о закате философской антропологии и в то же время демонстрируют выдвижение этой тематики в центр всего философского и даже гуманитарного знания. Описывают превращение антропологии в антиантропологию и тут же элиминируют ее как некую фикцию.

Французский философ Мишель Фуко в середине минувшего столетия заявил о смерти человека. Один из пороков современной философии Фуко усмотрел в том, что она навеивает «антропологический сон». Он показал, что наше восприятие мира во многом галлюцинаторное, сходное с покрывалом майи. В наше восприятие входит только то, что мы способны воспринять. Поэтому мир скорее предстает как копия наших душевных состояний. Внутренний мир человека закрыт для новых впечатлений. Современная культура стремится приспособ-

¹ Архиепископ Войно-Ясенецкий. Дух, душа и тело. М., 1997. С. 49.

² Подорога Валерий. Что такое философия и чем она должна быть сегодня // Вестник аналитики. 2013. № 3. С. 148.

сбить наше сознание к тому, что по определению является лишь результатом наших согласованных реакций. Фуко писал о том, что приоритет сновидения является абсолютным для антропологического познания конкретного человека. Вместе с тем он полагал, что следует преодолеть приоритет сновидения и прорваться к изучению реального человека.

Человек неотделим от своих внутренних состояний. «Значит, чтобы создать науку о человеке, отмечает Ф. И. Гиренок, нужно либо найти такое пространство, в котором человек теряет свое внутреннее, скрытое измерение, либо же нужно отказаться от построения научного знания о человеке, отказаться от прозрачности сознания внешнего наблюдателя»¹. Науки о человеке тем и отличаются, по мнению Ф. И. Гиренка, от наук о природе, что они пытаются найти такую точку отсчета, с которой была бы видна и внутренняя сторона человека, и внешняя. И по одной стороне можно было бы судить о состоянии другой.

Сегодня философская антропология не может пройти мимо внушительных достижений научного знания. За последние десятилетия мировая наука осуществила радикальный прорыв в постижении мира. Серьезные открытия сделаны по сути дела в самых различных областях знания — физике, биологии, физиологии, психологии, социологии, истории и в других теоретических областях. Прежняя картина мира испытывает сильные потрясения. Многие достижения ученых не вписываются в систему сложившихся представлений. Они вызывают к глубокому переосмыслению базовых основ науки. Потребность в систематизации новейших успехов, связанных с истолкованием природы, общества и человека становится настоятельной необходимостью.

Картина мира

Чтобы осмыслить суть новой парадигмы, недостаточно указать на новейшие открытия науки, которые не соотносятся с прежней системой теоретического знания.

Не будет реализована поставленная задача и в том случае, если будет обеспечена намечающаяся логическая связь между этими новейшими представлениями науки. Неизбежной окажется еще одно усилие — вновь и вновь поставить и отрефлексировать вопрос о том, что такое знание, каким образом оно возникает и в чем ограниченность пределов познания конкретного, уже устоявшегося источника

знания. Однако эти проблемы невозможно решить в рамках только научного знания. Неизбежно приходится включить и философскую рефлексию.

Разумеется, сама наука успешно проводит необходимые расчеты с теми схемами мышления, которые уже не получают признания научного сообщества. В 70-х годах прошлого столетия американский философ П. Фейерабенд, как известно, дал критику всех рационалистических концепций философии науки. Одновременно он предложил оригинальную концепцию «эпистемологического анархизма». К сожалению, предложенная программа радикального пересмотра многих оснований рационалистической философии науки не получила поддержки и последующего развития.

Между тем каноны научной рациональности по-прежнему не могут отстоять своей непреложности. Однако сами правила научного мышления никто не отменял. Несмотря на внутренние противоречия, разного рода несостыковки, которыми изобилует история науки, гордыня строгого и непререкаемого знания сохранилась. Призыв Фейерабенда к свободному использованию метода, к более раскрепощенной научной мысли, освобожденной от диктата неотменяемых правил остался по существу нереализованным.

Повторная попытка ревизии научного знания предпринята сегодня в рамках трансперсональной психологии. Ее представители справедливо указывают на тот факт, что наука, одержав ряд внушительных побед в познании природы, превратилась в методологическую твердыню. Столь же бесспорным влиянием пользовалась в свое время римско-католическая церковь. Она не позволяла сделать шаг в сторону от тех установлений, которые предлагалась без сколько-нибудь дозволенной крупинки сомнений. Тот, кто отступал от незыблемых канонических результатов. Но речь ведь шла не только о религиозных представлениях. Научные взгляды строго корректировались источниками древности, которые интерпретировались в соответствии с догмами религии. Мог ли ученый толковать о природе естественной реальности, не апеллируя к авторитету Аристотеля? Разумеется, это было невозможно.

Открывающиеся горизонты научных представлений никогда не были окончательными, очевидными. Напротив, новое знание оказывалось до известной поры фрагментарным, неполным. Поэтому вечно существовала угроза объявить полученные результаты теоретических усилий непроверяемыми. Но всегда ли при этом в оценке конкретных

¹ Гиренок Ф. И. *Фигуры и складки*. М., 2013. С. 45.

теорий учитывались только объективные факты строгого и логического мышления? Не вступали ли в силу субъективные факторы, которые не связаны напрямую с самой исследовательской мыслью? Допустимо ли к числу этих факторов отнести, к примеру, леность или невысокий уровень ментальных навыков вообще? Не оказывает ли на одобрение нового открытия в науке такой, скажем, показатель, как отсутствие быстрой реакции научного сообщества? Сделано, к примеру, обескураживающее научное открытие, но способно ли наличная исследовательская корпорация к стремительному и тотальному пересмотру тех следствий, которые содержатся в этом научном прорыве?

Ч. Тарт пишет: «Скажем, мы анализируем предел прочности балок различного размера. При этом нам нет никакого дела до конкретной балки — наша задача заключается в том, чтобы понять, как построить дом, который не рухнет. Иными словами, нам необходимы обобщенные данные, точные факты, складывающиеся в стройную теорию, которая позволила бы рассчитать прочность устройства мира, чтобы успешно справляться с возникающими ситуациями»¹.

О чем идет речь? О том, чтобы воспитать свой ум. Снова и снова мы обращаемся к сомнению: не стали ли мы заложниками наших иллюзорных представлений о науке? Не подводит ли нас здравый смысл? И не обрел ли этот трезвый, но сомнительный способ мышления непрерываемого гражданства в науке? Нельзя ли предположить, что, придя в свое время к неточным выводам, мы затем усердно подбираем факты, которые могут подтвердить этот вывод, но отмечаем при этом другие соображения, несовместимые в предзаданном ходом теоретической мысли?

Развитие науки отнюдь не сводится к неуклонному и постепенному накоплению теоретических данных. Оно не выражает себя полностью в уточнении сложившихся научных сведений. «Парадигму можно определить как собрание убеждений, ценностей и методов, пишет С. Гроф, разделяемых членами сообщества в тот или иной исторический период. Парадигма направляет мышление и исследовательскую деятельность ученых до тех пор, пока новые наблюдения не подвергают серьезному сомнению ее основные допущения. Это ведёт к кризису и появлению предложений радикально новых способов рассмотрения и интерпретации феноменов, которые

не способна объяснить старая парадигма. В конце концов, одна из этих альтернатив удовлетворяет новым требованиям, чтобы стать новой парадигмой, которая затем господствует в научном мышлении в следующий период истории науки»². Но в философии такие различия проступают с большей очевидностью. Ф. Ницше пришел к убеждению, что человек XIX века гораздо беднее, нежели личность эпохи Возрождения. Нет, стало быть, одностороннего прогресса и в самом философском постижении человека. Аристотель и Бэкон в философии не отражают лишь простую преемственность идей.

Разрабатывая понятие «парадигмы», Т. Кун, как известно, пытался отстоять идеал точного знания и показать его отличие от других видов освоения реальности. Мы не находим, к примеру, в искусстве ленточного накопления эстетических взглядов. Классицизм и романтизм, Ренессанс и барокко олицетворяют разные эпохи. Несомненна их связь с научной картиной мира. Вместе с тем это разные художественные миры³.

Современная наука пользуется различными методами научного познания. Картиной мира мы называем знание, которое мы имеем о мире, человеке и месте человека в этом мире в конкретный исторический период. Картина мира — это своеобразный образ эпохи. Вот как М. Хайдеггер описывает, например, картину мира Нового времени. К сущностным явлениям он относит, прежде всего, науку. Равно важное по рангу явление — машинная техника. Последнюю, однако, было бы неверно истолковывать просто как практическое применение новоевропейского естествознания. Сама машинная техника есть самостоятельное видоизменение практики, такого рода, что практика начинает требовать применения математического естествознания. Машинная техника, по словам Хайдеггера, до сих пор остается наиболее бросающимся в глаза производным существа новоевропейской техники, тождественного с существом новоевропейской метафизики⁴. Третье существенное явление Нового времени, по мнению Хайдеггера, заключается в том процессе, что искусство вдвигается в горизонт эстетики. Это значит: художественное произведение становится предметом переживания и соответственно искусство считается выражением жизни человека.

² Гроф Станислав. Исцеление наших самых глубоких ран. Холотропный сдвиг парадигмы. М., 2012. С. 7.

³ Лобанова Марина. Западно-европейское музыкальное барокко: проблемы эстетики и поэтики. М., СПб, 2013.

⁴ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 41.

¹ Тарт Чарльз. Конец материализма. Начало духовного пробуждения. М., 2013. С. 35.

Четвертое явление Нового времени дает о себе знать тем, что человеческая деятельность понимается и осуществляется как культура. Культура в этой связи реализация верховных ценностей путем заботы о высших благах человека. В существе культуры заложено, что подобная забота со своей стороны начинает заботиться о самой себе и так становится культурной политикой.

По мнению Хайдеггера, пятое явление Нового времени — обезбожение. Это выражение не означает простого изгнания богов, грубого атеизма. Обезбожение — двоякий процесс, когда, с одной стороны, картина мира расхристианизируется, поскольку вводится основание мира в качестве бесконечного, безусловного и абсолютного, а с другой христиане перетолковывают свое христианство в мировоззрение) и таким образом соотносятся в Новым временем. Обезбожение есть состояние принципиальной нерешенности относительно Бога и богов. В её укоренённости христианам принадлежит главная роль. Но обезбоженность настолько не исключает религиозности, что, наоборот, благодаря ей отношение к богам впервые дошло и превращается в религиозное переживание. Если до такого дошло дело, то боги улетучились. Возникшая пустота заменяется историческим и психологическим исследованием мифа¹.

Итак, картина мира — это целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер. Она формируется в обществе в рамках исходных мировоззренческих установок. Картина мира является важным моментом жизнедеятельности индивида. Она обуславливает специфический способ восприятия мира. По мнению В. С. Стёпина, исторически попытки последовательного построения картины мира в основном были связаны с натурфилософией. В современной науке осмысление картины мира происходит по линии рефлексии над наукой и в русле культурологического, лингвистического и семиотического анализа коллективного сознания, прежде всего на материале изучения фольклора и мифа².

Современная научная картина определяется синтезом разнообразных областей знания, прежде всего за счет выработки общенаучных эволюционистских концепций, распространяемых и на неживую природу. Эта тенденция уже привела к формированию идей синергетики и гло-

бального эволюционизма. Синергетика (от греч. *synergetikos* — совместный, согласованно действующий) — междисциплинарное направление научных исследований, возникших в 70-х годах прошлого столетия. Оно ставит своей задачей познание общих закономерностей и принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах самой разной природы: физических, химических, биологических, технических, экономических, социальных и т.д.

Большинство членов научного сообщества с трудом принимают вторжение новых научных достижений. Им кажется, что прежняя парадигма дала исчерпывающее описание действительных процессов, происходящих во Вселенной. Им трудно свыкнуться с мыслью, что развитие науки связано с определенными циклами. Отдельные открытия вызывают даже радикальные сомнения, касающиеся не только познания, но и вообще человеческих возможностей. В наши дни физики обнаружили ось, вокруг которой вращается Вселенная. Она, оказывается, не только расширяется, но и крутится вокруг своей оси. Если руководствоваться результатами исследований, опубликованных недавно в журнале *Astrophysical Journal Supplement*, то, оказывается, что Солнечная система движется все медленнее и медленнее. За последние 15 лет ее скорость в межзвездном пространстве снизилась более чем на 10%. Другим стало и направление движения. Объяснить данные выводы ученые не могут.

Британский астрофизик Мартин Рис заявил, что прежние, уже укоренившиеся предположения о Большом взрыве, будто бы породившем окружающий нас мир, или о том, что параллельно с нашей Вселенной могут существовать множество других, всего лишь догадки, если не домыслы. М. Рис полагает, что человеческий разум ограничен. Возможно, он достиг своего потолка. Доказать любую гипотезу становится все труднее. Дальше — интеллектуальный тупик. Он примерно такого же рода, как если бы мы пытались объяснить обезьяне теорию относительности.

Выраженный скепсис имеет свои основания. Границы человеческих познавательных способностей не беспредельны. Но ведь теория познания ничего не берет на веру. Это положение тоже требует доказательств. Можно предположить, что познавательный процесс будет эволюционировать и дальше, достигнет совершенства. Кроме того, человек создал в помощь своим органам восприятия и опыта новейшие инструменты. И еще создаст. Познание станет более проникающим, универсальным. Но и тогда нельзя будет абсолютно точно т

¹ Там же. С. 42.

² Стёпин В. С. Картина мира. // *Философский словарь* / Под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001. С. 234–235.

доказательно знать, насколько точно наше познание «постигает» действительность.

Мыслители XVIII в. полагали, что сознание человека предельно прозрачно, а процесс мышления протекает без всяких помех. Если логически доказана некая истина, то она оказывается приемлемой для всех. На то и дан человеческий разум, чтобы откликаться на зов ума. Мышление понималось как чистый процесс приближения к ясному и всеобщему знанию. За минувшие два столетия картина резко изменилась. Оказалось, что сознание реализует себя не просто, а преодолевая внутренние коллизии разума. Истина нередко соседствует или вовсе сплетается с предрассудками.

Однако нельзя не видеть, что различные открытия тяготеют к единой теории. Проступают общие очертания новой парадигмы, хотя отдельные факты науки кажутся курьезными, гротескными, что позволяет вообще не утруждать себя объяснениями и разгадками данных феноменов. Возникают сомнения в том, что такие открытия вообще заслуживают объяснения. Их выносят за пределы достойной науки.

Возьмем в качестве примера судьбу Хамбо Итигэлова. Через несколько десятилетий после смерти его тело не подверглось тлению. Как это объяснить с помощью современной науки? Ученые, которые изучали этот феномен, остались в недоумении: такого быть не должно. Пошли даже домыслы: а может это уже не тот монах или тот, но погребенный вместе с солью, которая играет роль консерванта. Но, может быть, грань между физическим и тонким миром не так уж и значительна. Они неразделимы и об этом свидетельствует феномен Итигэлова.

Рождение новой парадигмы не является стремительным. Ведь для разносторонней оценки нового открытия требуется еще и точность методологического размышления. В современной системе размышлений основную роль в познании мира играет человеческий интеллект. Но постижение мира реализуется не только посредством разума. Огромную роль играют интуиция, страсти. Благодаря разуму человечество располагает наукой и философией. Эмоции вызвали к жизни потребность в искусстве. Но у человека также есть и трансцендентное чувство. Оно связано с верой, с ощущением таинственной неизбытности этого мира. Глубокая вера может быть присуща и простому пастуху, который переживает удивительное и благостное растворение в красоте мира. Она может захватить и мудрого атеиста Вольтера в канун его смерти.

Трансцендентное чувство не рождается напрямую из интеллекта. Оно преисполнено тайны,

которую разум может разрушить. Но интеллект не в состоянии полностью истребить потребность человека в трансценденции. Не случайно Э. Фромм толкует данное переживание как особую настроенность человеческой природы, как самостоятельную, отдельную потребность человека. К вере может привести и напряженная рациональная деятельность, исключая по своему предназначению надобность в божественном. Так, британский философ Энтони Флю в возрасте 82 года заявил, что у природы есть Творец. Непостижимая сложность мироздания не может, по его мнению, быть объяснена эволюцией. «Биологическое исследование ДНК показало, что для возникновения жизни требуется поистине невероятное сочетание множества различных факторов, а это, несомненно, приводит к выводу об участии во всем этом того, кто может творить¹. Флю писал о том, что сейчас даже сама мысль о возможности происхождения первого организма, способного к самовоспроизводству, по сценарию спонтанной естественной эволюции, видится мне кощунственной»². Он заявил, что существующие факты убедили его в абсурдности теории, утверждающей, что первый живой организм произошел из неживой материи, а затем путем эволюции превратился в создание необычайной сложности.

Руководитель проекта «Геном человека» Френсис Коллинз тоже признал, что Господь не только существует, но и вмешивается в нашу жизнь. Есть даже сборник изречений 100 великих ученых, политических деятелей, астронавтов, крупных писателей и бизнесменов, которые, обращаясь к собственному жизненному опыту, утверждали, что присутствие Всевышнего не вызывает сомнений.

А теперь обратимся к исследованию, которое провели специалисты из Рочестерского и Северо-Восточного университетов США. С 1928 по 1912 год они организовали 63 исследования. Суть их усилий заключалась в том, чтобы понять, почему современные люди верят в высшие силы? Ученые решили проверить, как соотносится уровень интеллекта и религиозности. Разумеется, такое исследование правомерно. Но в нем с самого начала просматривается врожденный просчет. Под «интеллектом» ученые понимали способность планировать, решать

¹ Остлинг Ричард Н. Поборник атеизма признает Творца // The Washington Times. 2004. 10 декабря. (<http://washingtontimes.com/national/20041209-113212-2782g.htm>).

² Флю Энтони. Размышления Энтони Флю о Дарвинизме и Теологии, обобщенные в его послании (<http://www.philosophynow.org/issue47/47flew.htm>).

задачи, абстрактно мыслить, осознавать сложные идеи, быстро учиться». Иначе говоря, объектом изучения стал аналитический интеллект. При этом корни религиозности были трактованы весьма упрощенно.

В поле внимания ученых попали школьные аттестаты, результаты вступительных экзаменов в вузы, показатели IQ-тестов, по которым выводился так называемый средний академический балл. Уровень религиозности оценивали по частоте походов в церковь, соблюдение обрядов и силе веры в сверхъестественное. Были протестированы десятки тысяч документов, опрошены тысячи людей. Авторы исследования пришли к выводу, что интеллект и религиозность связаны в том смысле, что чем умнее человек, тем меньше он верит в Бога. Причастность к Всевышнему, стало быть, свидетельствует о слабых интеллектуальных способностях человека. Он верит в Бога, потому что обделен разумом. К такому выводу пришли и другие исследователи, которые изучали 1500 одаренных детей. Многие из них получили религиозное воспитание, но так и остались атеистами.

Ущербность данного исследования заключается в том, что они отождествляют человека и интеллект, точнее сказать, рассматривают человека лишь как носителя интеллекта. Но потомок Адама не только совершенствует свой IQ. Он живет, страдает, мучается, испытывает потребность в сакральном. Исследователи утверждают, что связь между религиозностью и интеллектом не зависит от пола и образования. А вот от возраста зависит. Верующих много среди пожилых людей. После 50 лет у каждого человека гибель нейронов — клеток головного мозга — становится наиболее интенсивной. Мозг даже теряет в весе. Теперь — хотите знать, почему И. П. Павлов или Ч. Дарвин были верующими? Вера, мол, пришла на выручку в старости, когда интеллект ослабел. Вот, пожалуй, и Вольтер, который отчаянно ругал католическую веру, перед смертью принял причастие. Совсем оскудел умом... Такое исследование очень обрадовало бы российских воинствующих атеистов вроде Емельяна Ярославского.

Но истории известны мудрецы, которые от веры в старости пришли к атеизму. Можно ли считать это признаком слабоумия? Теоретическая оснащенность американского исследования скудна. Нет сомнений в том, что вера не строится на логике. Тот, кто силен в рассуждениях и логических обоснованиях, не найдет ни веры, ни «метафизической тропы» (М. Хайдеггер). Логика сильна там, где нет трансцендентного измерения мира. Напомним, что

в науке есть представление о двух интеллектах. Аналитический интеллект базируется на левом полушарии. Он предполагает умение логически мыслить, проводить вычисления и делать умозаключения. Но как раз эти интеллектуальные операции нужны для обыденного, житейски достоверного мира. В трансцендентном мире им нет опоры.

Эмоциональный интеллект базируется на правом полушарии.

Возьмем простой пример. Верующего человека спрашивают: допустима ли эвтаназия? Он полагает, что нельзя самовольно отвергать дар Божий. Атеист же считает, что эвтаназия логична по многим причинам, которые он немедленно представит. Однако кто тут в большей степени отличается слабоумием? В исследовании ощущается непреодолимое противоречие. Оказывается, многие учёные (равно как и писатели) в пожилом возрасте достигли внушительной плодотворности. Это свидетельствует об их крепнувшем интеллекте. А их приход к вере тот же интеллект характеризует как частичную утрату разума.

Редукционизм как новая опасность

Нетрудно заметить, как новое ошеломляющее научное открытие неожиданно стягивает к себе огромное мыслительное пространство. Возникает убеждение, что именно это открытие является путеводной нитью, способной надежно ориентировать нас в лабиринте науки. Незамедлительно отводятся в сторону внушительные пласты знания, давно получившие методологический статус. Выстраивается причинно-следственная связь, которая отбрасывает важнейшие звенья теоретической рефлексии. Обедняются или вообще устраняются более сложные зависимости, которые могли бы участвовать в этом процессе научного объяснения.

Вот, началась расшифровка генома человека. Обнаружены неожиданные парадоксы механизмов наследственности. И, разумеется, возникает искушение дать простой и ясный как солнце ответ на загадку, которая мучила человечество. Допустим, мы хотим размышлять о том, в чем смысл жизни? В нашем распоряжении огромный арсенал философской рефлексии, связанной с этой темой. Но зачарованность генами отвлекается от этой ментальной сокровищницы. На вопрос, в чем смысл жизни, отвечает доктор биологических наук, эволюционист Сергей Савельев: «Цель любого биологического организма — перенос генома в следующее поколение. И смысл нашей жизни в том же. Поскольку

человек — животное, смысл его существования определяется тремя мотивами желания еды, размножения и доминирования. Все остальное проистекает из этих трех, зачастую просто маскируя их»¹.

Но ведь философия на протяжении многих веков доказывала, что человек, разумеется, животное, но он и не животное. Если человек только животное, тогда вопрос о смысле жизни вообще отпадает. Разве животное, не располагающее ни сознанием, ни культурой, способно рефлексировать на эту тему? Цель определяется в психологии как один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определённых средств. Уместно ли говорить, что у генома есть цель? Такое возможно только как некая метафора, как антропоцентрическое утверждение. Биолог в данном случае наделяет геном человеческими качествами, но в то же время утверждает, что человек всего лишь животное. Далее эволюционист выделяет три потребности человека, которые он считает базовыми. Но в этом случае элиминируются философские размышления Фромме о чисто человеческих потребностях, размышления А. Маслоу об иерархии потребностей человека. Но разве потребность человека в познании вызвана надобностью в еде? Неужели потребность человека в идентичности порождается сексуальным инстинктом? И верно ли, что человеческие устремления — нечто иное, как маскировка физиологических потребностей?

Конечно, можно и не вовлекаться в этот спор, поскольку биолог высказывает лишь свой узкопрофессиональный взгляд на проблему? Однако речь идет не о частном высказывании о целом явлении, которое можно обозначить как генетический шовинизм. Биологи ищут ген любви, власти, гомосексуализма. Но попытка связать всю сложность социальной и духовной жизни человека с расшифровкой генома становится опасной и курьезной. Генетики убеждают нас в том, что мы сильно промахнулись, включившись в амурные отношения, не располагая картой генома. Такая карта могла бы «заказать», допустим, подругу жизни, идеальную по всем параметрам. Но она не способна вызвать великий дар — любовь...

Биология, анатомия и физиология дали человечеству огромный эмпирический материал, позволяющий судить о том, как функционирует человеческое тело. Произошло аналитическое расчленение

тела. Возникла молекулярная генетика, которое наследует эту тенденцию. Она имеет дело с телесными процессами на более высоком, отвлеченном и модельном уровне. Речь идет об управлении ядром клетки, на уровне самого генетического кода. Геном человека почти расшифрован.

Пройден принципиально важный, но только начальный технологический этап расшифровки генома, не требующий никаких существенных усилий кроме больших материальных вложений. Расшифровать — значит понять смысл написанного. Мы же пока ничего не расшифровали. Для этого потребуются, по мнению специалистов, около столетия. Итак, клинописью написан длинный-длинный текст — 3 миллиарда букв. Но до открытия относительно окончательной истины — ясности, как функционирует геном пока еще далеко. Получили расшифровку 6–8 тысяч генов. Но ведь это лишь десятая часть генов, всего в геноме человека закодировано примерно 80 тысяч генов. На повестке дня создание единого геномного информационного поля.

Каковы, однако, мировоззренческие последствия данного проекта? Все ли продумано в нем с философской точки зрения? Судя по всему, развернутой философской экспертизы пока нет. Мы можем опираться на предварительные суждения Жана Бодрийяра, который отмечает, что с механистической и функциональной точки зрения каждый орган может рассматриваться как отдельный протез, который отличается от других. Так возникает тема искусственности, противостоящей природности организма. С кибернетической и информационной точки зрения каждый орган — это самый маленький недифференцируемый элемент. В этом смысле каждая клетка оказывается эмбриональным протезом данного конкретного тела.

Но при генетической расшифровке проблема усложняется. Имитация протеза завершается настоящим протезированием. «Генетическая формула, записанная в каждой клетке, становится настоящим современным протезом всех тел. Если в общепринятом понимании протез представляет собой артефакт, замещающий неполноценный орган, то формула ДНК, заключающая всю информацию относительно тела, превосходный протез, который позволит продлить тело до бесконечности за счет его самого, поскольку само тело представляет собой лишь бесконечную серию протезов»².

¹ См.: Аргументы и факты. 2013. № 49.

² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 173.

Протез, будучи интегрированным в целое, преобразует это целое, подделяет его. Так актуализируется сложная тематика соотношения части и целого, которая имеет в философии давнюю традицию. Генетический код, таким образом, это не элементы организма, а некий артефакт, абстрактная матрица, подменяющая собой живую плоть.

При таком техническом репродуцировании с человеком происходит то же самое, что с произведением искусства, которое подвергается тиражированию и репродукции. Произведение искусства в принципе всегда поддавалось воспроизведению. То, что было создано людьми, всегда могло быть повторено другими. По сравнению с этой деятельностью техническое репродуцирование произведения искус-

ства представляет собой новое явление, которое приобретает все большее историческое значение. Подлинность какой-либо вещи это совокупность всего, что она способна нести в себе с момента возникновения, от своего материального возраста до исторической ценности. Однако при тиражировании произведение искусства утрачивает свою подлинность, свою ауру¹.

Редукционизм опасен тем, что он упрощает картину мира, сложность проблем, предлагает банальное решение, которое оказывается заведомо неверным и коварным. Расшифровка генома — огромное достижение человечества. Но разве она позволяет устранить социальную теорию или философское размышление?

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006.
2. Гроф Станислав. Исцеление наших самых глубоких ран. Холотропный сдвиг парадигмы. М., 2012.
3. Гуревич П. С. Философская интерпретация человека. М., 2012.
4. Лекторский В. А. Философия. Познание. Культура. М., 2012.
5. Подорога Валерий. Что такое философия и чем она должна быть сегодня // Вестник аналитики. 2013. № 3. С. 147–154.
6. Стёпин В. С. Картина мира. // Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001. С. 234–235.
7. Тарт Чарльз. Конец материализма. Начало духовного пробуждения. М., 2013.

References (transliteration):

1. Bodriiyar Zh. Prozrachnost» zla. M., 2006.
2. Grof Stanislav. Istselenie nashikh samykh glubokikh ran. Kholotropnyi sdvig paradigmy. M., 2012.
3. Gurevich P. S. Filozofskaya interpretatsiya cheloveka. M., 2012.
4. Lektorskii V. A. Filozofiya. Poznanie. Kul'tura. M., 2012.
5. Podoroga Valerii. Chto takoe filozofiya i chem ona dolzhna byt» segodnya // Vestnik analitiki. 2013. № 3. S. 147–154.
6. Stepin V. S. Kartina mira. // Filozofskii slovar» / Pod red. I. T. Frolova. M.: Respublika, 2001. S. 234–235.
7. Tart Charl'z. Konets materializma. Nachalo dukhovnogo probuzhdeniya. M., 2013.

¹ Беньямин У. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе. М., 1996.